

УДК 82-31 Горький

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ «ИСПОВЕДИ» М. ГОРЬКОГО

Ш. А. Мазанаев, Э. Н. Ширванова

Дагестанский государственный университет

В статье рассматриваются жанровое своеобразие повести М. Горького «Исповедь» и особенности жанрового мышления писателя, тяготеющего к синтезу и диалогу жанров.

The article deals with the problem of genre specificity of Gorky's "Isproved". Dialogue and synthesis of genres in Gorky's main method and his way of thinking are also scrutinized.

Ключевые слова: М. Горький; жанр; повесть; роман; исповедальный роман.

Keywords: M. Gorky; genre; story; novel; confessional novel.

В основе данной статьи лежит задача определения основных, на наш взгляд, жанрообразующих элементов «Исповеди» М. Горького, которая занимает особое место в творчестве писателя, вызывает неоднозначные оценки и не может быть с уверенностью отнесена к жанру повести или романа. В силу каких причин – основной вопрос нашей статьи.

«Исповедь» явилась отражением сложных духовных метаний ее автора, порожденных атмосферой мировоззренческой неопределенности русского общества предреволюционной поры. Неоднородность жанра этого произведения определена и по сути связана в целом с процессом «размежевания» реализма в литературе рубежа XIX–XX вв., сопровождавшимся формированием новых стилиобразований, новых качеств художественного метода в структуре и поэтике, в данном случае критического реализма Горького. Поэтику жанра повести в русской литературе рубежа XIX–XX вв. определяет конфликт между «традиционным романом и романизированной повестью», сращение реалистического и романтического начал [1]. Одним из проявлений данного процесса в литературе и явилась горьковская «Исповедь».

Повесть «Исповедь» писалась Горьким в период столыпинской реакции в 1907–1908 гг. Она появилась впервые в сборнике товарищества «Знание» за 1908 г., кн. 23, и тогда же вышла отдельным изданием в Берлине. Горький, который с нетерпением ожидал появления своей повести в печати, уже 31 августа 1908 г. писал В.Я. Брюсову: «Сам я очень недоволен ею...» [2, с. 503–504].

Г.В. Плеханов писал, что попытка М. Горького выступить в качестве религиозного проповедника в этом произведении оказалась крайне неудачной: «М. Горький хочет дать нам философию религии, а на самом деле дает... только понятие о том, как плохо известна ему эта философия» [3].

В отличие от Г.В. Плеханова нас М. Горький интересует не как религиозный проповедник, а как художник, создавший оригинальное произведение, резко отличающееся от других романов Горького проповеднической направленностью, а от традиционной повести – аморфностью и нечеткостью структуры. Следует учесть и горьковское определение понятия «повесть», которое сохраняет связь с характерным для древнерусской литературы смыслом «повествование», «сказание», «летопись». Произведение построено так, что в «житие» Матвея все события происходят в его окружении и воспринимаются его глазами, но голос автора словно корректирует их, постепенно усложняя произведение воспоминаниями о прошлом, раздумьями о настоящем и будущем, создавая своеобразную панораму пути, «крестного хода» героя от ложного к подлинному и достоверному чуду, «нечаянной радости» открытия Матвеем Бога в народе.

Уже само заглавие произведения указывает на отклонение от традиционной повести – это «исповедь», а, следовательно, здесь скрыта направленность на жанр жития, поскольку произведение Горького (не будем пока называть его повестью или романом) представляет собой цепь эпизодов, демонстрирующих разрозненные моменты приобретения главным героем опыта жизни на пути постижения им Бога. Вместе с тем заголовок повести отправляет нас к жанру исповедального романа, сформировавшегося в эпоху романтизма, в период глубоких социальных потрясений. В нем, как правило, все подчинено раскрытию внутреннего мира

центрального персонажа, его самоанализу. И в горьковской «Исповеди», действительно, прослеживается характерное для сюжета становления линейное развитие действия. Но она фрагментарна, можно сказать, аморфна: эпизоды в произведении как отдельные «уроки житейского опыта» слабо сцеплены, переход от одного к другому чаще всего не мотивирован. В ней воспроизводится естественное течение жизни, все вращается вокруг главного героя, который раскрывается в ряде эпизодов, и сюжет лишен интриги. Отсюда и вывод о том, что перед нами повесть. Но герой Горького (и «Исповедь» не исключение) стремится к устойчивости, к достижению счастья в мире – он в движении. При стремительных изменениях в действительности герой Горького находится в поиске нового революционного пути качественного изменения состояния. Это возможно при совпадении общего ритма движения народа как ценностного ориентира и действительности и при улавливании этого ритма отдельным человеком. Поиск правды должен привести героя к положительному идеалу взаимоотношений человека и среды, человека и мира, человека и жизни, к гармонии ощущения человеком своей принадлежности микросреде и макросреде. Динамизм, с которым герой Горького стремится к достижению этого идеала, акцент писателя на изображении борьбы Правды и Лжи в человеке, определяющей основной конфликт произведений Горького, – черты романного мышления. Так же, как и прямая человек – среда – действительность и построение повествования в виде жизнеописания героя – традиционны для романного мышления.

В этой связи оправданно и правомерно Н.Д. Тамарченко подвергает сомнению «непонятную и всеобщую уверенность в том, что это произведение – повесть» [4, с. 194]. Прежде всего, он указывает на то, что даже по объему – критерию, который уже признан в литературоведении несостоятельным в определении жанровых границ, – «Исповедь» не может быть названа повестью (170 страниц текста). Правомерным и продуктивным представляется подход исследователя к определению жанровой сущности произведения посредством выявления инвариантной структуры повести и тех возможностей художественного осмысления жизни, которые эта структура предполагает. Отталкиваясь от гипотезы М.М. Бахтина о существовании противопоставленных друг другу двух типов сюжета – становления и испытания, Н.Д. Тамарченко выстраивает свою гипотезу, согласно которой повесть строится на сюжете испытания, и выделяет три его основных типа: испытание социума, испытание героя и испытание идеи. Рассмотрим, какой из них свойствен «Исповеди» М. Горького.

Внимательное проникновение в текст произведения выявляет такие его особенности, которые развеивают впечатление о явной аморфности, бесструктурности, линейности сюжета «Исповеди» как поверхностное.

Н.Д. Тамарченко утверждает, что «текст имеет строго продуманную и выверенную структуру», сюжет не линейный, а наоборот, подразделен на две большие части противоположного содержания [4, с. 194], два этапа на пути приобщения Матвея к другим людям. Поиски этого пути осложняет тот факт, что герой «Исповеди» – подкидыш, и он ставит себя выше других. «... Ключ к истории героя, – пишет Н.Д. Тамарченко, – в переходе от уединенного сознания к духовной общности с народом» [4, с. 195]. Сначала герой отъединен от массы, он ищет в общении с людьми ответы лишь на вопросы, которые волнуют его, не вникая в тревоги и мысли тех, с кем он сближается или враждует. Он над ними. Новый этап связан с открытием Матвеем для себя новой правды, как следствие – его уход из монастыря и приобщение к «чужим исканиям Бога» [4, с. 195].

Таким образом, два этапа в сюжетной структуре «Исповеди» знаменуют собой два разных противоречивых и отрицающих, переоценивающих друг друга пути героя к Богу. Эта противопоставленность прослеживается и на других уровнях текста – в системе персонажей: два приемных отца Матвея (добрый Ларион и мрачный, бесчестный Титов), бродяга Серафим, Савелка, Ион-Иегудиил и как их антиподы монахи Михаил, отец Антоний, Ольга и Христия.

Встречи и разговоры с ними приводят Матвея от идеи затворничества к противоположной идее единства с народом, которая («народное тело», «люди как одно тело»). «Горький отличается от своих современников, в первую очередь, тем, что у него “творящая” человеческая мысль не индивидуальна, а коллективна: голоса таких героев, как Иегудиил, Михаил, в конце повести “Исповедь” – Матвей, приводятся к общему знаменателю авторской “идеи” богостроительства и социализма, сливаясь в “единую безличную правду”», – правомерно отмечает О.А. Богданова [5].

Матвей описывает свое ощущение единства с народом: «слились для меня все лица в одно большое грустное лицо».

Это обстоятельство исключает возможность диалогизма, поскольку единство людей предполагает взаимодополняемость идей, а не противопоставленность, так возникает «коллективный монологизм» Горького [5].

Таким образом, сюжет «Исповеди» основывается на испытании веры, идеи, правды. Характер изображаемых в произведении событий, действий, состояний героев определил сюжетно-композиционные, содержательные особенности формы исповеди. Это открытый текст, в котором голос героя звучит громко и утверждающе, и для поэтики Горького с его романтическим и проповедническим пафосом форма исповеди художественно оправдана. В какой-то мере очень слабо, но она совмещает в себе и черты канонической исповеди с ее предельной откровенностью, стремлением и потребностью героя к самоочищению и покаянию, и черты романтической исповеди начала XIX в. в лермонтовских традициях самораскрытия, самоанализа героя, душевный опыт которого претерпевает градацию от наблюдения над собой и окружающими, противопоставления себя собеседнику, к тайным признаниям и вызову, и черты реалистической исповеди как формы проявления моментов наибольшей психологической напряженности героев, в состоянии срыва и необходимости излить давно назревшее у Ф.М. Достоевского и психологического анализа самого процесса созревания мысли и ее изложения у Л.Н. Толстого. В той или иной степени все эти черты проскальзывают в «Исповеди» Горького и характеризуют ее как «исповедальную повесть». Свойственный ей проповеднический пафос с нотами назидательности определил ее описательность и аморфность. Возможными оказались оценки повести как не самой удачной в ряду других произведений автора. В пользу повести говорит и объединенность всех героев «Исповеди» мотивом Богоискания в себе, в других, в мире, в природе. Таким образом, образуется единая пространственная плоскость, на которой они располагаются. Но реализуется богоискательство героя на плоскости всей жизни, и время на страницах произведения свободно из прошлого в настоящее и в будущее – а это свойство романа. Поэтому с четкостью и определенностью назвать «Исповедь» повестью или романом нельзя.

По характеру конфликта, сюжета, основанного на испытании героя любовью, искушениями и соблазнами на пути его постижения веры и правды жизни, глубине раскрытия связей и единства человека и мира «Исповедь» перерастает повесть, ознаменовав собой романские поиски писателя. Четкая жанровая границы в определении того, что представляет собой «Исповедь» Горького – роман или повесть – не может быть проведена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов М. Повести А.П. Чехова // Чехов А.П. Повести. М., 1983.
2. Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 8. М.: Гослитиздат, 1950. С. 503–504.
3. Плеханов Г.В. О так называемых религиозных исканиях в России. URL: [http://libelli.ru /index.htm](http://libelli.ru/index.htm) (дата обращения: 08.02.2013).
4. Тамарченко Н.Д. Русская повесть Серебряного века (Проблемы поэтики, сюжета и жанра). М.: In-trada, 2007. 256 с.
5. Богданова О.А. Традиции «идеологического романа» Ф.М. Достоевского в русской прозе конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 2009. URL : http://dibase.ru/article/20042009_bogdanovaoa/3 (дата обращения: 02.02.2013).

Поступила в редакцию 05.03.2013 г.
Принята к печати 18.03.2014 г.